

ИДЕАЛ ГЕРОЯ В БУДДИЗМЕ

Хотя до сих пор на Западе очень немногие имели возможность глубоко изучать или практиковать буддизм, у большинства из нас есть какое-то представление о нем. Есть у нас и какое-то представление о Будде. Мы знакомы или слышаны о людях, которые приняли буддизм, мы читаем статьи о буддизме в газетах, слышим рассказы о буддизме по радио и по телевидению, а если пойдем в кино, то даже увидим кинозвезд, играющих Будду. Некоторые из этих представлений весьма полезны, даже до какой-то степени точны, но неизбежно есть и другие, совершенно ошибочные, а всем известно, как трудно избавиться от превратных представлений, если они уже укоренились. Самые стойкие ошибки идут от первых западных толкователей буддизма, которые, естественно, рассматривали его с точки зрения собственной религиозной традиции — викторианской версии христианства. Поэтому вполне естественно, что произведения, относящиеся к этой первой волне западной литературы о буддизме, рассказывая о нем читателям, основную массу которых составляли христиане, использовали христианские принципы. Однако заблуждения, которые они породили, оказались на удивление живучими.

Например, одно из них — это представление о том, что буддизм не является религией в полном смысле этого слова. Исходя из данной точки зрения, его можно считать впечатляющей философской системой, вроде философии Платона, Канта или Гегеля; или выдающейся системой этики; или даже системой мистицизма, притом замечательной, но никак не более того. На такие сомнительные похвалы были особо щедры ученые-католики (почему-то католики всегда были склонны трактовать буддизм как что-то особое), которые утверждали, что в буддизме отсутствует целое измерение, которое в христианстве наличествует в полной мере.

Другое столь же живучее заблуждение состоит в представлении о том, что буддизм — это специфически восточная религия, неразрывно связанная с различными культурами Востока. Очевидно, опровергнуть его довольно сложно, потому что даже сегодня намерение отделить суть буддизма от его культурных проявлений, всегда таких причудливых, колоритных и привлекательных, вряд ли вызовет большой энтузиазм. Но если мы хотим, чтобы практика буддийского пути по-настоящему укоренилась на Западе, придется найти способы, которые позволят внедрить буддизм в нашу собственную культуру, более будничную, бесцветную и привычную.

Источник заблуждения, на котором мы остановимся в этой главе, — представление о Будде, характерное для викторианской эпохи. В нем видели — и это, опять же, совершенно естественно — некоего восточного Иисуса, а у викторианцев общепринятое представление об Иисусе было весьма далеким от истины. Говорят, что викторианцам Иисус виделся призраком в белом саване, который бродил по Галилее, ласково жура людей за то, что они не принимают никейского символа веры*. Точно так же и Будда виделся простым викторианцам призраком в желтом саване, который бродил по Индии, ласково жура людей за жестокое обращение с животными.

Таким образом, буддизм, его учение и традицию, стали воспринимать как нечто пассивное, пессимистическое и робкое. К сожалению, такое впечатление может только усилиться,

* Символ христианской веры, признанный римско-католической, православной, англиканской церковью и большинством протестантских. — *Прим. ред.*

пусть даже неосознанно, при знакомстве с поздним буддийским искусством, потому что в период его упадка образ Будды приобрел черты приторности, мечтательности и женственности. Что же касается изображений Будды, которые ныне производятся в Индии в огромных количествах, особенно на календарях, то вместо улыбки просветления, которую они пытаются передать, мы видим на лице Будды кокетливо-жеманную мину начинающей кинозвезды. Подобные изображения неизбежно влияют на то, каким мы представляем себе Будду.

Еще один фактор, который следует принять во внимание, — это то, что буддизм является религией индийского происхождения. Уважая индийскую культуру за «духовность», ее в то же время считают отсталой, нединамичной, застывшей и пассивной, а если учесть, что буддизм — религия индийская, то вполне естественно, что подобные эпитеты переносят и на буддизм.

Нужно также принять во внимание, что значительная часть современного буддийского учения, распространенного на Востоке, особенно в Шри-Ланке, Бирме и Таиланде, построена на запретах. Вам внушают, чего делать нельзя, от чего необходимо отказываться и воздерживаться, но куда реже говорят, что можно делать, чтобы совершенствовать благие качества и развиваться в лучшую сторону. Старейшие буддийские тексты напоминают, что у монеты две стороны, и содержат в себе как решительное утверждение, так и бескомпромиссное отрицание. Но на Западе буддийские учения слишком часто трактовались с точки зрения отказа от действия, а не действия, с точки зрения ухода от жизни, а не решимости постичь ее истинный смысл.

Чтобы восстановить равновесие, необходимо заново взглянуть на то, чему учит буддизм, а может быть, и полностью пересмотреть свое отношение к духовной жизни. Цель буддийского учения — достичь просветления, или состояния будды, состояния нравственного и духовного совершенства, и этот идеал требует воспитания героических качеств как на нравственном уровне, так и на духовном. Говоря о героическом идеале в буддизме, мы не говорим о чем-то отличном от духовного идеала и, тем более, ему противоположном. Мы говорим именно о духовном идеале — идеале, требующем высочайшего героизма.

До полной ясности, однако, еще далеко. Нетрудно предположить, что духовный идеал — это не просто благонравие и благоразумие, а идеал поистине героический. Но каковы наши подлинные чувства по отношению к этому «героическому идеалу»? Взглянем правде в лицо — в целом это понятие не в моде. Если воспользоваться модной терминологией, то само наличие идеалов предполагает отчужденность и неумение адаптироваться. Что же касается самого героя, то его образ предполагает черты величия, то есть природы, исполненной подлинного превосходства, что почему-то претит современным вкусам.

Сто лет назад всё было совершенно иначе. Викторянцы щеголяли своими высокими идеалами с самоуверенностью, которая в наши дни показалась бы невыносимой, а героический идеал был в большой чести. В своем преклонении перед героями викторианцы настолько вошли во вкус, что почти каждый, кто достиг хоть каких-то высот в общественной жизни, мог удостоиться признания и даже поклонения в качестве героя. Возможно, именно по этой причине Иисус, воплощение высочайших духовных идеалов, был обречен превратиться в столь эфемерный образ — чтобы его можно было отличить от земных объектов всеобщего обожания. Лекции Томаса Карлейля* «Герои и преклонение перед ними», впервые опубликованные в 1841 году, прочно утвердили в умах точку зрения, что «история — это биография великих людей». Теккерей сумел выделить свой роман «Ярмарка тщеславия» из моря других романов, вышедших из печати в то время (1848), дав ему подзаголовок «Роман без героя».

В любом английском доме вы обнаружили бы на камине фарфоровые статуэтки высоко чтимых в обществе людей. Альфред Лорд Теннисон, Флоренс Найтингейл, Гордон Хартумский**, Гладстон и Дизраэли удостаивались такого же обожания, как нынешние поп-звезды. Стоило кому-то из них

* Карлейль, Томас (1795–1881). Шотландский философ и историк, автор концепции «культ героев». — *Прим. ред.*

** Гордон, Чарльз Джордж (1833–1885). Британский генерал, погибший при осаде суданского города Хартума и провозглашенный святым воином-мучеником. — *Прим. ред.*

умереть — и тут же выходило по меньшей мере три, а иногда шесть или семь толстенных, можно сказать, монументальных, сборников мемуаров и писем. Биографии викторианского периода были упражнениями в агиографии*: они ставили целью изобразить великого человека во всем его блеске, делая упор на позу, в которой все хотели его запомнить. Именно поэтому даже при взгляде издалека великие викторианцы кажутся столь неправдоподобными.

Когда разразилась Первая мировая война, простому человеку стали внушать, что для него это возможность самому стать героем, и, вероятно, именно ассоциация героических настроений с некомпетентными генералами и массовыми жертвами сыграла на руку тому, что с героическим идеалом было покончено. Биографии превратились в разоблачительные опусы, показывающие, насколько мелочны и заурядны так называемые великие люди. Классическим примером такой биографии нового типа стала книга Литтона Стрейчи «Знаменитые викторианцы» (1918), в которой он унизил сразу четырех великих людей, втиснув их в одну довольно художочную книжицу. Сами викторианцы сочли бы это возмутительным, почти непристойным — чем-то вроде похорон в общей могиле.

Сегодня героев и героинь найдешь разве что в приключенческих романах, да и там они весьма измельчали. Их редко встретишь где-нибудь еще, особенно в политике. Если вспомнить, что в свое время многие писали Гладстону и Дизраэли с просьбой прислать прядь волос, которую можно было бы носить в медальоне, то придется признать, что времена изменились. Трудно найти человека, занятого решением важных общественных проблем современности, который бы удостоивался такого же поклонения, и это в порядке вещей. Разумеется, культ героев, характерный для викторианской эпохи, был не лучшим способом выражения чувств, и сегодня идеалы того времени могут казаться лицемерными. Для своего слуги никогда не будешь героем, — замечаем мы глубокомысленно. Но заменять идеалы цинизмом — значит отрицать возможность перемен. И если мы смотрим на

* Вид церковной литературы — жития святых. — *Прим. перев.*

героя глазами слуги, если само понятие «герой» представляется нам несколько смешным и нелепым, если мы отказываемся с уважением относиться к обладателю исключительных качеств, то тем самым отрицаем реальность так же рьяно, как и викторианцы. А это значит, что мы не способны воспринимать всерьез того, кто обладает исключительными достоинствами и вдобавок имеет идеалы, то есть серьезного человека, который глубоко озабочен чем-то важным.

Почему я так подробно остановился на понятии «герой»? Потому что это слово, хотя и вышедшее из моды в английском языке, точнее, чем любой другой, менее спорный термин передает один из титулов, которые присвоили Сиддхартхе Гаутаме после его просветления. Нам известны такие его имена, как Будда и Сострадательный, но в палийских и санскритских текстах Будду также называют *Махавира*, что значит «великий герой», и *Джина*, что значит «победитель». На самом деле в ранних буддийских текстах титул *джина* употребляется почти столь же часто, что и знакомое нам имя Будда. Его называют Победитель, потому что он победил в себе всё обусловленное бытие. Победив себя, он победил мир. В *Дхаммападе* говорится: «Можно в одиночку победить в битве тысячу воинов тысячу раз, и всё же тот, кто победил себя, одержал более славную победу»⁹. Впоследствии средневековый буддизм породил принцип *трилокья виджайи* — победы над тремя мирами, то есть победы над миром чувственных желаний, миром образов-архетипов и миром без образов. Так что победа Джины — это победа над всеми тремя внутренними мирами.

Одержав эту победу, Будда, естественно, становится царем. За то что он покорил в своем уме все миры обусловленного бытия, его стали называть *дхармараджа*: царь закона, или царь истины. Именно в облике царя Будду так часто изображают в буддийском искусстве — мы понимаем это потому, что он запечатлен с царскими регалиями. Регалии эти весьма любопытны — по крайней мере, для людей Запада. В Англии соответствующими регалиями были бы, конечно, держава и скипетр, символы власти царствующего монарха. Но в Индии и повсюду, куда проникла буддийская культурная традиция, это зонтик и метелка, которой отгоняют мух.

Во времена Будды простые индийцы никогда не пользовались зонтами. Чтобы укрыться от дождя или солнца, скорее всего, взяли бы лист какого-нибудь растения. Только царь или другой знатный или высокопоставленный человек мог воспользоваться настоящим зонтом. По мнению ламы Говинды, эта традиция берет начало от тех времен, когда старейшина племени или деревни сидел вечерами под деревом, прислонившись спиной к стволу, и давал советы или улаживал споры. Если принять такое объяснение, то зонт стал чем-то вроде искусственного дерева, которое носили над головой человека как символ его высокого общественного положения. Развивая эту мысль, можно, в конце концов, связать этот символический зонт с мировым деревом, которое в мистическом смысле осеняет весь мир, всё бытие.

Метелка от мух — более простой символ. Она сделана из хвоста яка и представляет собой султан из белых волос, очень мягких и красивых, длиной около двух футов, прикрепленных к серебряной рукоятке. Им осторожно обмахивают царственных особ, оберегая от мух. Такие метелки до сих пор используют в индуистских ритуалах. Во время *арати*, вечернего ритуала поклонения, есть момент, когда такой метелкой помахивают перед изображением божества — Рамы, Кришны или любого другого, потому что в это время в нем видят не только божество, но и царя.

Поэтому, если Иисуса, царя небесного, часто изображают с державой и скипетром в руках, то Будду изображают под зонтом, который иногда держат небесные создания, и в окружении богов, вооруженных метелками от мух. Эти символы показывают, что он царь Дхармы, если хотите, владыка духовной вселенной. Поскольку Будду считали царем, его главного ученика Шарипутру называли, как это ни удивительно, *дхармасенапати* — главнокомандующий. Разумеется, здесь речь идет не об Армии Спасения, а о буддийской сангхе, которая считается весьма послушной.

Возможно, царская символика и военная терминология связаны с исходным общественным положением Будды. Родившись кшатрием, он, согласно традиционной индуистской системе, относился ко второму из четырех сословий; более высокое положение имело только сословие брахманов — жрецов. Но сами кшатрии смотрели на это иначе. Если все

прочие сословия принимали такой иерархический порядок, то сами кшатрии считали высшим сословием себя. Именно в таком порядке, то есть начиная с кшатриев, перечисляются сословия в палийском каноне. Таким образом, в ранних буддийских текстах войны, с чисто социальной точки зрения, стоят выше священников.

Мы знаем, что в пору юности Сиддхартхи брахманизм еще не проник во владения шакьев, и поэтому можем с полной уверенностью сказать, что царевич воспитывался исключительно как воин и в некотором смысле остался воином. Есть такая легенда: когда было решено что он возьмет в жены Яшодхару, некоторые ее родственники возражали, утверждая, что он недостаточно хорош в бою, и, конечно же, чтобы доказать свою доблесть, ему пришлось победить каждого из них в поединке. Ясно, что знатному человеку было недостаточно просто родиться воином: требовалось быть исключительным воином, героем.

Весьма показательно, что именно такое происхождение имел человек, жизнь которого стала высшим образцом духовной жизни. Важно еще и то, что героические качества, которые его учили демонстрировать на поле брани, стали тем источником, из которого он черпал на всех этапах своего духовного поиска. Мы знаем, что он покинул дом, когда ему было двадцать девять лет. Он отринул всё то, что его научили считать хорошей жизнью, всё, что его научили считать достойным, всё, что его научили считать долгом. Наверное, для него было очень мучительно оставить семью и племя и в одиночку уйти в темноту, в лес, держа путь неведомо куда и зная только, что он отправляется на поиск истины. Однако он поступил именно так.

Не меньше мужества требовалось такому человеку, чтобы жить подаянием. В те годы традиционный способ сбора подаяний, не претерпевший особых изменений до наших дней, был достаточно прост: берешь большую черную чашу и, идя от дома к дому, останавливаешься на несколько минут у каждой двери, а хозяева выходят и кладут в чашу объедки. Решив, что набралось достаточно, идешь в какое-нибудь спокойное место за деревней и усаживаешься там, чтобы поесть. Можно подумать, что это не слишком обременительный способ добывания пищи, но в рассказе самого

Будды, повествуя о его первом опыте сбора подаяний, присутствует оттенок горечи, который показывает, каково это для человека непривычного. Очевидно, он рассказывал эту историю своим ученикам. Во всяком случае, так записано в сутрах, а сама эта история представляется вполне правдоподобной. Так вот, когда Будда в первый раз сел за деревней со своей чашей и взглянул на горку самых разных объедков, его тут же вырвало. Он привык к самым изысканным и свежим блюдам, приготовленным лучшими поварами — и вот перед ним грубые крестьянские объедки. Неудивительно, что его желудок взбунтовался. Но Будда не допустил, чтобы разборчивость в еде помешала поиску истины. Если для свободы нужно привыкнуть к такой пище, придется преодолеть отвращение. Так он и сделал.

Одежда его, конечно же, тоже была простой и грубой. У тех, кто бывал в современных буддийских странах, легко может сложиться впечатление, что Будда щеголял в новеньком желтом одеянии, чистом и аккуратном, будто только что выглаженном, но это очень маловероятно. Почти наверняка он носил грубую желтую одежду, испачканную и потрепанную. Печально, но факт: сегодня в некоторых буддийских странах для монаха считается постыдным появляться на людях в старом одеянии. Помню, как-то раз я приехал из Калимпонга в один из монастырей Калькутты и, признаюсь, даже не подумал приодеться по этому случаю. Но некоторые из моих друзей-монахов были возмущены, увидев меня в таком старье. Они сочли это ужасным. «Что подумают люди?» — говорили они. Надо думать, сам Будда относился к одежде совершенно иначе. Для него то, что он носил, символизировало полный разрыв с прежней жизнью, в которой его незыблемое общественное положение ясно отражалось в манере одеваться.

Начав свой путь, Сиддхартха быстро освоил учения, которые ему преподавали, но не почил на лаврах, а вновь отправился в путь — один, без проводника. В старости он часто вспоминал этот решающий период своей жизни. Он рассказывал, как это бывало: в лесной чаще ночью, когда повсюду царят тьма и безмолвие и на многие йоджаны вокруг нет ни единой живой души, вдруг хрустнет ветка или упадет лист, и тебя охватят жуткий панический страх и ужас. Те, кто прак-

тиковал медитацию, знают, что иногда такое случается, — страх просто вздымается волной. Казалось бы, никакой конкретной опасности нет, и всё равно избавиться от этого чувства не удастся. Именно такой страх тогда часто испытывал Сиддхартха. Его охватывал необъяснимый ужас. Как же справиться с таким страхом? Что делал Сиддхартха, чтобы от него освободиться? Он понял, что ничего делать не надо. Вот его слова: «Если страх приходил, когда я шел, я продолжал идти. Если страх приходил, когда я сидел, я продолжал сидеть. Если страх приходил, когда я стоял, я продолжал стоять. Ну, а если страх приходил, когда я лежал, я продолжал лежать. И страх уходил так же, как приходил». Иными словами, Сиддхартха не пытался избавиться от страха. Он позволял страху прийти, позволял ему остаться, а потом позволял уйти. Он не допускал, чтобы страх проник в его ум — глубинный ум. Хотя Сиддхартха преодолевал любые трудности и препятствия, которые встречались на его пути, они не причиняли ему особых тягот. Но о степени героизма, присущего его натуре, говорит то, что затем он предпочел избрать самый трудный духовный путь, который только можно найти. И это еще не все: решив заняться аскетическими практиками, он придерживался этого пути более строго, чем любой из его современников. Он экспериментировал, искал истину методом проб и ошибок, а начав испытание, доводил его до предела человеческих возможностей. Поэтому он ходил нагим даже суровой зимой, когда в предгорьях Гималаев лежал глубокий снег. Он перестал пользоваться чашей и собирал скудную пищу прямо в ладонь. Он прослышал, что, урезав свой рацион до нескольких зерен риса или ячменя и нескольких глотков воды, можно достичь порога просветления, и последовал этому рецепту. В сутрах есть ужасающее описание того состояния истощения, до которого он себя довел, соблюдая такую диету. Той же теме посвящен и знаменитый каменный барельеф в Гандхаре, изображающий Сиддхартху на этом этапе пути: мы видим сидящего аскета, чье тело превратилось в обтянутый кожей скелет.

Такой подвиг вряд ли приведет нас в восторг — скорее всего, мы сочтем его просто извращением. Но необходимо помнить, что Сиддхартха руководствовался совершенно определенной целью и что в те времена все одобряли практику

аскетизма: она считалась очень действенным средством для тех, кому доставало мужества. В Индии даже сегодня аскетические практики производят впечатление на многих. Один мой друг, который был монахом в Сарнатхе, рассказывал, как их посетил знаменитый аскет. Его ученики внушили монахам, что утром их наставник ест только один вид зерна, причем еда должна быть готова ровно в семь утра. Моему другу, который был в Сарнатхе помощником настоятеля, это показалось настолько важным, что он решил лично проследить, чтобы их гость получил всё необходимое. Поэтому утром он принес зерно к келье великого аскета за несколько минут до семи, чтобы уж точно не опоздать, и в результате обнаружил, что аскет уже ушел. Пара его учеников замешкалась, и мой друг попросил у них объяснений:

— Я принес то, что он хотел, точно в срок, а он даже не подождал!

— В этом и заключается его величие! — ответили ученики.

Боюсь, мой друг высказал им — очень вежливо, — что именно может их учитель сделать со своим величием, и, как вы понимаете, это не привело их в восторг. Но в Индии подобные странности могут привлекать большое внимание. Даже на Западе в некоторых религиозных кругах странности обеспечат вам какое-то число последователей.

Поэтому бросить всё это, не оправдать ожидания спутников, снова стать никем — это потребовало от Сиддхартхи психологического и духовного мужества, которое можно отнести к разряду истинного героизма. Ведь намного легче совершить что-то даже очень трудное, если вокруг есть зрители, которые восхищаются и аплодируют, восклицая: «Взгляните на него, вот это герой!» Но если то, что вы делаете, никому не нравится и ваши поклонники с возмущением вас покидают, это становится настоящим испытанием и очень, очень немногие могут выдержать его с честью. Можно сказать, что нечто похожее пережил Иисус в Гефсиманском саду.

Наконец, самостоятельно поняв, что истинный путь проходит через этапы медитации, Сиддхартха с непоколебимой решимостью сосредоточил на цели всю свою волю. Как повествуют некоторые ранние сутры, именно тогда он произнес прекрасные и драматические слова: «Пусть иссякнет моя

кровь, пусть высохнет моя плоть, я не сдвинусь с этого места, пока не достигну просветления». ¹⁰ Он не сказал: «Ладно, испробую этот способ в течение нескольких дней, а если ничего не выйдет, придется, наверное, поискать что-нибудь другое». После того как Сиддхартха увидел перед собой четкий путь, его решимость была полной и непреклонной. Он поставил перед собой цель — уничтожить обусловленное бытие — и не желал никакой иной. Именно поэтому просветление Будды часто описывают просто как героическую победу — победу над демоном Марой, буддийским воплощением зла. Имя Мара буквально означает «смерть», и этот демон олицетворяет все силы зла, обитающие в нашем уме, наши дурные чувства, нашу психологическую несвободу и т. д., а если сказать короче, то наше желание, нашу ненависть и наше неведение — то, что привязывает нас к нескончаемому страданию. Победа над Марой принесла Будде еще один титул — Мараджит: победитель Мары.

Если учесть, что достигнутое Буддой просветление было столь ярким, высочайшим выражением героического идеала, то мы не удивимся, обнаружив, что в его учении так явно подчеркивается необходимость полагаться только на себя и не рассчитывать даже на него. Есть знаменитое изречение Будды, многократно повторяющееся в палийском каноне: «Я сделал для вас всё, что может сделать учитель. Вот корни деревьев — садитесь и медитируйте. Остальное зависит от вас». ¹¹ Он никогда не оставлял монахов в покое: расспрашивал, что они собираются делать, как продвигается их практика, не позволяя им останавливаться на достигнутом, всегда вдохновлял и побуждал прилагать еще больше усилий. И большинство из них следовало его наставлениям. Правда, некоторых всё это слегка утомляло, и они жаловались, что Будда их совсем загнал, но такие вскоре уходили, чтобы найти менее требовательного учителя.

По собственному опыту Будда знал, что духовная жизнь — дело нелегкое. Не раз он сравнивал ее с битвой и говорил монахам, дабы поднять их боевой дух: «Мы кшатрии, воины». Этим он не хотел сказать, что они принадлежат к сословию кшатриев, потому что его ученики были из всех каст, от брахманов до неприкасаемых (*чандала*), и кастовые отличия в Сангхе не поощрялись. Будда говорил: «Мы воины,

потому что сражаемся. За что мы сражаемся? За *шила* — нравственную жизнь, за *самадхи* — высшее сознание, за *праджню* — мудрость, за *вимукти* — высшее духовное освобождение». В подобных описаниях он предстает как воплощение бесстрашия и уверенности в себе. В нем не было ни ложной скромности, ни бравады. Его речь называют *сингха-нада*: львиный рык. Есть люди, которые блеют как овцы или даже как маленькие пушистые ягнята, а есть и такие, которые лают или тявкают как собаки. Но проповеди Будды сравнивают с львиным рыком потому, что в индийской мифологии все звери в джунглях умолкают, когда рычит лев. Когда Будда разъяснял высшую истину, никто не мог возразить.

Вам не придется долго искать, чтобы найти в буддийских сутрах рассказы о том, как превозносили героический идеал или воплощали его в жизнь. Но чтобы получить более прямое и непосредственное впечатление о явно героической природе буддийского идеала, достаточно взглянуть на самые яркие образы буддийского искусства. Здесь я имею в виду не традицию гандхарской скульптуры, которая не является чисто индийской и к тому же порой бывает излишне слащавой. Я говорю о матхурской традиции, которая получила свое название от местности неподалеку от современного Дели и является самым ранним в чисто индийском искусстве течением, делавшим акцент на энергию, а не на мягкость, на уверенность, а не на нежность, на силу, а не на миловидность. Для этой традиции характерно изображать Будду мужчиной в расцвете сил, который твердо стоит во весь рост подобно высокой башне или большому дереву, сложив руки в *абхая-мудру* — жест бесстрашия.

Конечно же, в произведениях буддийского искусства запечатлен не только Будда, и не только личность Будды является воплощением героического идеала. Развивая буддийскую традицию, Махаяна создала образ бодхисаттвы — свой главный вклад в буддийское воззрение. Как архетип бодхисаттва стал символическим выражением определенного аспекта просветления, а один из самых важных и почитаемых архетипических бодхисаттв — Манджушри, олицетворение высшей мудрости. В *Дхаммападе* Будда рассказывает, как этот искатель Дхармы поражает полчища Мары мечом мудрости, поэтому Манджушри в своей ипостаси, именуемой

Арапачана Манджушри, правой рукой вздымает пламенеющий меч — меч знания или мудрости. В более поздний исторический период развития буддизма центральной фигурой тантрийского пантеона стал гневный Ваджрапани, чей яркий устрашающий образ олицетворяет героическую и бесстрашную энергию просветленного ума. Правой рукой он вздымает *ваджру* — несокрушимое оружием, обладающее непреодолимой мощью.

Идеал бодхисаттвы — решимость привести в нирвану всех живых существ — это пример героического идеала, воплощением которого стала жизнь Будды. В сутрах Махаяны бодхисаттву сравнивают с месяцем: как полная луна превосходит месяц, так Будда превосходит Бодхисаттву. Как месяц дорастает до полной луны, так и бодхисаттва дорастает до состояния Будды, а достигает он этого благодаря практике шести *парамит* — шести несравненных добродетелей: щедрости, нравственности, терпения, энергии, медитативного сосредоточения и мудрости. Согласно текстам Махаяны, все эти добродетели надлежит практиковать с поистине героическим усердием. Мало изредка демонстрировать вспышки щедрости, время от времени осознавать нравственную сторону поступков, проявлять разумную долю терпения, ощущать судорожные порывы духовной энергии, раз или два в неделю выкраивать немного времени на медитацию да изредка размышлять о Дхарме.

Возьмем, к примеру, щедрость. Бодхисаттва отдает не только материальные вещи, но в случае необходимости и свою жизнь. Именно в этом смысле можно понимать самосожжение вьетнамских монахов, которые хотели привлечь внимание к ужасной духовной ситуации в своей стране. Причем, согласно героическому воззрению буддизма Махаяны, бодхисаттва практикует все эти добродетели, или совершенства, не одну жизнь, а на протяжении огромного количества жизней, длящихся три *кальпы*, или эпохи.

Особенно яркое описание бодхисаттвы как героя мы встречаем в следующем отрывке из *Аштасахасрики*, или «*Праджняпарамиты* в восьми тысячах строк». Как это обычно бывает в сутрах *Праджняпарамиты*, Будда обращается к своему ученику Субхути:

Представь, Субхути, что есть превосходнейший герой, очень энергичный, занимающий высокое положение в обществе, статный, привлекательный и красивый на вид, обладающий всеми прекраснейшими добродетелями, которые проистекают из вершин независимости, нравственности, образованности, отречения и так далее. Он рассудителен, может хорошо говорить и ясно выражать свои мысли, обосновывать свои утверждения, всегда знает подходящее время, место и обстоятельства для любого дела. Он не знает себе равных в стрельбе из лука и умеет успешно отразить любое нападение. Он добился совершенства во всех искусствах и благодаря своим достижениям превзошел всех в ремеслах. У него прекрасная память, он умен, сметлив, уравновешен и рассудителен, сведущ во всех научных трудах. У него много друзей, он богат, силен и крепок телом, все его телесные способности совершенны. Он щедр ко всем, любезен и приятен людям. Любое начатое дело он всегда доводит до конца. Он говорит здраво, делится своими богатствами с другими, уважает то, что надлежит уважать, почитает то, что надлежит почитать, поклоняется тому, чему надлежит поклоняться. Будет ли такой человек, Субхути, испытывать постоянно возрастающую радость и интерес?

Субхути: Да, господин.

Будда: Теперь представь что этот человек, столь превосходный во всех отношениях, взял с собой в путешествие свою семью: мать и отца, сыновей и дочерей. Случилось так, что они оказались в огромном диком лесу. Те из его спутников, что неразумны, испытывают боязнь, страх и ужас, от которого волосы встают дыбом. Он же бесстрашно говорит своим близким: «Не бойтесь. Скоро я благополучно выведу вас из этого ужасного, пугающего леса. Скоро я освобожу вас». Если затем всё более враждебные и вредоносные силы станут грозить ему в лесу, решит ли герой бросить свою семью и в одиночку выбираться из этого ужасного, пугающего леса — он, который никогда не отступает, который наделен всей мощью, проистекающей от силы духа и энергии, мудрый, чрезвычайно заботливый и сострадательный, отважный и находчивый?

Субхути: Нет, господин, потому что человек, который не бросает свою семью, имеет в своем распоряжении мощные средства, как внутренние, так и внешние. В этом диком лесу возникнут силы, которые равны силам враждебным и вредонос-

ным. Они встанут на его сторону и защитят его. Те его враги и недруги, которые станут искать его слабое место, не одолеют его. Он способен овладеть положением и вскоре сумеет целым и невредимым выбраться из леса вместе с семьей. И они благополучно доберутся до деревни, города или торгового селения.

Б у д д а : Точно так же, Субхути, обстоит дело с бодхисаттвой, который полон жалости и заботы о благе всех существ; который всегда преисполнен дружелюбия, сострадания, радости за других и бесстрастия.¹²

Таково в традиции *Праджняпарамиты* описание бодхисаттвы как героя, ведущего всех живых существ из дебрей сансары в град просветления. Если мы обратимся к другим традициям — дзэну или тантрийскому буддизму, то сможем привести множество других примеров героического идеала в буддизме. Но, наверное, уже достаточно сказано для того, чтобы развеять представление о буддизме, как об учении и традиции, для которых характерны пассивность, вялость или упадочнические настроения. Напротив, можно сказать, что он утверждает героический идеал до такой степени, что рискует стать немодным. И мы, буддисты, должны быть готовы подвергать сомнению модные идеи и взгляды. Буддистам следует сожалеть, что в наше время героический идеал утратил доверие и пришел в упадок, потому что людям необходимо жить, а если потребуется, то и умирать во имя чего-то. Героический идеал настолько важен для буддизма, что его можно считать равнозначным понятию «духовная жизнь». Героизм неотъемлемо присущ поиску просветления, а потому составляет самую сущность природы Будды.

